

Болотного, грязного цвета тучи спустились столь низко, что не ровён час могли свалиться на верхушки почерневших деревьев. Лишь вьевшиеся в серую землю корни не давали им рухнуть под собственной тяжестью. Высокий лесной эльф с тоской взглянул на почерневшие веточки, которые теперь больше напоминали иголки, чем способные дать листву гибкие прутья. На глаза Алсана навернулись слезы, которым он не дал вытечь. Вздохнув, эльф с мгновение смотрел на место, которое и по сей день называл своим домом, после чего подобрался, расправил плечи и с гордо поднятой головой ступил на тропу.

Шел эльф быстро, почти не оглядываясь. Старался не смотреть на увядающую в деревне жизнь. Понимающе кивая, к шествию Алсана присоединялись рослые, в расцвете сил соседи. Были среди них и некогда враги эльфы крови. Алсан вряд ли когда—нибудь привыкнет к их блестящим алым глазам. Было в понимании хищников нечто инородное эльфийской расе. Даже сейчас Алсан смотрел на кровавых родичей с толикой опаски, старался держаться подальше на узкой тропе.

Молчаливое шествие покинуло увядающий лес. Алсан и остальные двигались в едином ритме и в торжественном молчании. Лесной эльф случайно встретился взглядом с соседом и прочел в зеленых глазах столь сильный ужас, что им можно было заразиться. Алсан сглотнул и быстро отвел взгляд. Сердце стало биться чаще, лицо вспыхнуло смущением. Он то сжимал, то разжимал кулаки, заставляя ноги передвигаться. Лиховы конечности то наливались тяжестью, то немели, после чего ужасно кололи, заставляя стискивать челюсть и закусывать щеку, чтобы не простонать от боли.

Шествие разрасталось. Смотрящие либо вперед, либо под ноги эльфы молча присоединялись к процессии. И вскоре огромная, из-за черных и светлых волос напоминающая нескончаемую доску для шахмат колонна приблизилась к открытой, выложенной камнем широкой дороге. Алсан чуть приподнял подбородок и рассмотрел вершину пока еще далекой северной башни. Одной из четырех по сторонам света.

Дорога плавно перетекла в площадь. Большую, просто огромную, круглую. На корне языка Алсан почувствовал едва терпимую горечь. Идти дальше не требовалось. Он, как многие тысячи его собратьев, стоял на месте, переносил вес с одной ноги на другую. Поблизости так никто и не завел беседы. Эльфы старались не смотреть друг к другу в глаза. Кто-то тихо плакал. Алсану и самому хотелось пустить слезу, но он себе запрещал. Не так он проведет финал своей недолгой жизни. Меньше пяти столетий назад он появился в этом мире. Лихово время! А ведь родился он аристократом и считался бы еще подростком.

Мысли о несправедливости происходящего заставили запрокинуть голову и посмотреть на противоестественного цвета небо. Он уже и не помнит его синим. Почти не помнит тепла солнечных лучей. Может быть, даже хорошо, что он решил прийти, ведь смотреть на смерть природы и дальше нет никаких сил.

— Папа, не уходи! — Раздалось столь пронзительно и неожиданно, что Алсан, как и многие рядом с ним, вынырнул из своих мыслей и обернулся. Поодаль образовалась пустота, небольшой круг, посреди которого стоял широко распахнувший глаза лесной эльф и плачущий навзрыд, вцепившийся ему в ногу ребенок лет десяти. Совсем еще кроха.

— Не уходи! Не уходи! — Надрывался малыш в застиранной до светлых пятен одежде. Босой и дрожащий. Предполагаемый отец не торопился ему помогать. Стоял застывшей после извержения вулкана лишенной цвета статуей. Окружающие смотрели на него с сочувствием, на малыша с ужасом.

Уголки губ Алсана дрогнули. Он отвернулся, стараясь не вслушиваться в настырный плач. И вдруг за звоном оплеухи послышалось падение. Лесной эльф не сдержал любопытства и увидел как отец малыша, стоял с вновь занесенной рукой. Тяжелое дыхание эльфа заставляло широкую грудную клетку чересчур сильно вздыматься и почти пугающе быстро сдуваться.

— Вон! Пошел прочь! — взъярился эльф, наступая на мальчишку, который от страха забыл плакать и теперь только пятился, как мог, полз. — Да как ты посмел сбежать от матери?!

— Папа...

— Прочь! — Мужчина пошел на сына, собираясь ответить еще одну хлесткую оплеуху. Но малыш оказался быстрее, поднялся и со всех ног понесся прочь, ловко лавируя по толпе обреченных. Эльф, вытянув шею, еще долго смотрел ему вслед. Видимо, проверял, успело ли нерадивое чадо сойти с рунной площади.

Алсан вздохнул и опять отвернулся. Сколько ни старался, он не мог проникнуться сочувствием к трагедии чужой семьи, когда сам оставил дом, младших братьев, сестер и убитую горем мать. Он всего лишь умрет, а им еще предстоит постоять за себя.

Посреди площади стояло возвышение. Сложенный из серых валунов и разрисованный белыми рунами пьедестал метров семь в высоту. Алсан видел, как на него заходят эльфы, но не мог разобрать их лиц или мелких движений. С прищуром наблюдал за тем, как плечи его лесного собрата, покрывали расписанный рунами жизни казулой. Как кланялись ему и отходили в стороны, занимая свои места.

Искра гордости за то, что лесной эльф станет новым спасителем, согрела сердце Алсана. Он вновь расправил плечи и приказал ногам не трястись. Все его внимание обратилось к возвышению, где начался ритуал. Даже отсюда Алсан поймал блик алого камня подвески с груди будущего спасителя. И страх отступил. Алсану больше не хотелось вжать голову в плечи, больше ничего не сдавливало дыхание. Он успокоился и с блеском во взгляде наблюдал за возведшим руки к небу собратом. Алсан и сам не заметил, как привстал на носочки и наклонился в сторону возвышения, в сторону начавшего читать молитву спасителя. Алсану захотелось стать ближе, захотелось подойти, обнять, поцеловать край ритуальных одежд. Он сделал шаг и протянул к собрату наверху руки. Лишь мельком заметил, что он такой не один и в душе расцвел огонек счастья. Они едины в своем желании.

Молитва оборвалась резким, разнесшимся по площади эхом звуком. Алсан положил ладони на грудь, сиюсь унять рвущееся к спасителю сердце. Чувствовал, как горят от румянца щеки, а губы растягиваются в неуместной, глупой улыбке. Он сделал еще пару шагов к возвышению, но таких, как он, стало слишком много, продвинуться дальше не позволила толпа. Хорошо, что никто не стал драться, все знали, спасителю это не понравится.

Мурашки, тысячей муравьев пробежали по телу. Алсан дернул плечами. Протянутые к возвышению руки вдруг налились тяжестью и опали. Алсан перевел все еще блестящий любовью взгляд на собственные узкие ладони. Кожа эльфа светилась голубоватым оттенком. Огонь жизни исходил от тела нитями, уплотнялся и тонкими потоками собирался в большой клубок на возвышении, окутывал спасителя.

У Алсана закружилась голова. Перед глазами поплыли черные пятна. Эльф осел на камень и его примеру последовала многотысячная толпа. Он нашел ближайшего теплого собрата и прижался к нему. Алсана не оттолкнули. Он обнял, и его обняли в ответ. Вскоре их стало трое. Потом четверо или даже больше. Так казалось теплее. На возвышении снова запели. На этот

раз голос остроухого брата слышался яснее и четче. Алсан с трудом держал глаза открытыми, и сам не понимая, зачем, ведь остальные в их маленьком клубке уже отправились в мир грез, навстречу слиянию.

Небо неожиданно дрогнуло и заревело, словно кабан, которому вставили лезвие в пупок. Алсан с трудом запрокинул голову и уставился в темнеющую пучину. Тучи над головой зашлись в пугающе быстром хороводе. Рев повторился. Алсан моргнул и вдруг понял, что еще жив. В горле моментом пересохло, а на лбу выступил пот. Он двинул руками, но те оказались зажаты еще теплыми трупами лесных и кровавых братьев. Алсан раскрыл рот, собираясь закричать, но из горла вырвался лишь хрип. А небо, взревев раненым зверем, разверзлось. Огромная, неровная дыра дышала вечностью и опасностью. Волосы на теле Алсана зашевелились. С возвышения все еще читали, способную перекричать поднявшийся ветер молитву.

Алсан с трудом выкорчевал себя из клубка трупов. Влажные ладони не способствовали задаче. Об аккуратности не шло речи. Алсан выпал на камень и огляделся. Повсюду лежали тела с застывшими в вечности блаженными улыбками. Алсан не стал задумываться почему выжил и пополз прочь, подальше от возвышения, подальше от живой дыры в небе. Полз и полз, пока силы медленно оставляли его пропитавшееся страхом тело. До края оставалось совсем немного, когда Алсан лег и вяло моргнул. Нужно было собрать волю в кулак и сделать усилие. Эльф посмотрел на свою ладонь и сосредоточил внимание на пальцах, приказывая им двигаться, цепляться за борозды, но мышцы отказались слушаться хозяина.

Пора пришла сдаваться. Алсан жалко всхлипнул и закрыл глаза. Он отдал свою жизнь во имя будущего. Может быть, его младшие братья и сестры смогут найти более яркий и дружелюбный дом в новом мире.

Юный эльф крови осторожно выглянул в маленькое, единственное окошко небольшой мазанки. Темные волосы прилипли к затылку, а глаза застилала слезы, но он смахнул их рукой, и взгляделся в творящийся на улице хаос. Крылатые кони с огромными зубами, казалось, тоже наслаждались происходящим. Сбивали копытами убегающих от расправы эльфов. Драли тех, кем всадники-люди позволяли лакомиться.

— Сальст... — позвал тонкий голосок.

Юный эльф чуть не вскрикнул. Зажал рот рукой и, резко развернувшись, сел на земляной пол хижины. Его взгляд остановился на мальчике, еще более молодом эльфе четырех лет от роду. Сидящий у обложенного мелким камнем очага тот совсем не дрожал, только с надеждой смотрел на старшего испуганным кроликом.

— Все хорошо, Хисар, — вымученно улыбнулся мальчик и подполз к малышу. Крепко его обнял и прижал к своей груди. Оба замерли.

— Больно...

Сальст тут же разжал объятия. Он и не заметил, как впился тонкими пальцами в молочного цвета худые плечи, которые можно с легкостью переломить.

— Извини.

— Ничего, — Хисар сам прижался к старшему брату, обняв его за талию. Сальст чувствовал, как дрожит тело малыша. Впервые он почувствовал себя беспомощным старшим братом, и от

этого страх только нарастал.

Стараясь вести себя тихо, мальчишки забились в угол, за очаг, единственную преграду между ними и людьми. На собранную из сушеной, жесткой травы дверь рассчитывать особенно не приходилось.

Вдруг совсем близко с домом раздались звуки борьбы. Кто-то с криком навалился на несчастную дверь. Сальст испугался, что сейчас она ввалится внутрь вместе с незнакомцем. Юный эльф попытался забиться еще дальше в угол, слиться со стеной. И дрогнул, когда за перегородкой некто сдавленно всхлипнул, а в двери показалось острое лезвие меча.

Сальст до боли закусил щеку, а Хисару прикрыл рот рукой.

Лезвие, провернувшись, скрылось за плетением. Нечто тяжелое осело у порога, и воздух наполнился теплым, металлическим запахом. Даже в полумраке скромного жилища Сальст видел, как из-под двери натекает лужа густой крови.

Вооруженный налетчик выругался на людском наречии и пошел прочь. Сальст позволил себе дышать и скосил взгляд на Хисара. Брат застыл с отсутствующим выражением лица. Сальст еще никогда не видел его таким бледным. Хотя едва ли сейчас выглядел лучше.

Крики на улице не стихали. Старший из братьев закрыл глаза, но и там не нашел спасения от творящейся в деревне жути. То, что он увидел в окне, встало перед внутренним взором и усилилось фантазией, от которой начинало колоть в пальцах. Папе нравилось пугать его и Хисара рассказами о кровожадных людях, но все они заканчивались тем, что отважный лорд Нафмаэ приходил эльфам на помощь. Не давал забрать остроухих в рабство. А сейчас ни его, ни папы. Только люди с их мечами и жуткими лошадьми. Скольких они сегодня заберут с собой?

Хисар, словно уловив мысли брата, неосознанно крепче прижался к чужой груди, и Сальст открыл глаза. Рука предательски дрожала, но он все равно погладил малыша по мягким волосам. Взгляд упал на окошко, через которое было видно, как люди уводят эльфов. Обыскивают дома и, выводя всех, кого можно забрать, поджигают жилище. У юного эльфа онемел затылок и начало покалывать в спине. Он медленно опустил голову, посмотрел на брата, и через мгновение решительно нахмурился да поджал губы.

— Хис, — мягко оттянув от себя брата, Сальст заглянул в его большие, алые, застывшие в испуге и неверии глаза, — сейчас мы тебя спрячем, а я пойду на разведку. Постараюсь найти маму с папой или хотя бы путь. — И в свои девять Сальст понимал — из деревни нужно уходить.

Хисар начал мотать головой. Его тонкие пальцы вцепились в длинную серую рубаху Сальста, не собираясь отпускать.

— Отпусти же! — Повысил голос мальчишка и тут же закусил язык. Испуганные взгляды юных эльфов обратились к ненадежной двери. Сальст мог поклясться, что услышал шаги, но, возможно, то было его ухающее в груди сердце.

Мальчишки ждали. Замерли, точно полевые звери, но опасность все не наступала. Сальст выдохнул первым, подхватил на руки шокированного братишку и уложил в оставленный на остывшем очаге чан, в котором мог с легкостью уместиться сам. Хисар попытался выбраться, но Сальст, схватив его за плечи, уложил обратно.

— Веди себя тихо, я накрою тебя крышкой, чтобы никто не заметил. Я вернусь. Мы уйдем отсюда вместе, слышишь? — торопливо шептал старший, дожидаясь пока брат кивнет. Собравшись с силами, Сальст уверенно улыбнулся брату, после чего накрыл чан и обернулся к первому препятствию, двери и луже крови.

Сальст сглотнул и тут же почувствовал, как нечто густое и гадкое падает в горло. Захотелось сплюнуть или извергнуть содержимое желудка, но мальчишка сдержался. Осторожно, словно ступает меж углей, Сальст направился к двери и замер у самой преграды. В голове гудело, но дельных мыслей не нашлось. Чужая кровь неприятно холодила ступни. Сальст переступил с ноги на ногу и присел на корточки, после чего, затаив дыхание, как мог, приоткрыл дверь. Труп на пороге мешал, но не сильно, дверь из рогаза гибка.

Не успел Сальст оглядеться, как дверь с корнями вырвали. Едва знакомое лицо с обожжённой кожей оказалось совсем близко. Сальст, что есть силы, завизжал не своим голосом. Женщина с интонациями матери выругалась, схватила Сальста за руку и потащила прочь из дому. Юный эльф все вопил, но голос уже садился.

Бам!

Сильная оплеуха заставила мальчишку замолчать. На глаза навернулись слезы, а женщина все тащила и тащила его меж домов. Поспевать за ней стало почти невозможно. Он бежал, спотыкался и, возможно, упал бы, но крепкая рука пахнувшей не мамой, а сажей женщины крепко держала его за локоть. Сальст не запоминал путь, в голове еще гудело от оплеухи. И вдруг они остановились. Как оказалось, Сальст совсем запыхался.

Женщина упала перед ним на колени и вдруг обняла, так крепко, что ребра затрещали.

— Прости, маленький мой. — Нечто горячее, мокрое обожгло щеку и плечо юного эльфа. — Прости, что ударила, но ты так кричал, ты бы нас выдал.

Голос точно принадлежал маме, но Сальст, вместо того, чтобы ответить, горько заплакал. Он всегда гордился тем, что может помогать по дому и работать в поле. Соседи отзывались о нем, как о мужчине, но вот пришла настоящая беда и Сальст не может вымолвить ни слова. Горло так крепко сжало страхом, что дышать стало тяжело.

— Мама... — Знакомая, нежная рука коснулась головы. Слез стало больше. — Мама, там... дома... Хисар...

Женщина замерла. Сальсту стало страшнее, когда она вдруг выпустила его из объятий и осела в пыль утоптанной, потрескавшейся дорожки. Юный эльф боялся коснуться ее чуть подрагивающего, единственного необожженного плеча. Темноволосая эльфийка накрыла лицо ладонями, но не издала ни звука.

— Мама...

Вдруг женщина резко подняла голову и Сальст вздрогнул. Испугался покрытой вскрывшимся ожоговыми волдырями половины лица. Кожа сморщилась и блестит от сукровицы. Сальст как-то обжег руку, случайно, упал рядом с осенним костром, было так больно.

— Я вернусь за ним, как только уведу тебя, — пробормотала эльфийка, но Сальст ей не поверил. И она, кажется, не верила сама себе. Взгляд остекленел, она начала походить на безвольную куклу, которых вытачивали из дерева для девочек местный плотник и его сын, но все равно поднялась на ноги, взяла мальчика за локоть и потащила дальше. Правда теперь не

так быстро.

Сальст оглянулся. Конечно, за ними никто не бежал. Ни захватчики, ни Хисар. Он слишком маленький. Сальст спрятал его в чане, интересно, там ли он еще после его крика?

Крик!

Сальст так громко кричал, что точно привлек людей! Они обыщут дом и найдут Хисара или просто сожгут. Воображение мальчишки тут же нарисовало братишку среди таких же напуганных детей, которых люди копьями загоняют в тесные клетки, как в папиных рассказах. А дальше. Дальше страшно представить. И как только люди их нашли? Откуда они пришли? Старшие на общих вечерах любили рассказывать, как решили построить деревню в этом месте, говорили, что она стоит в неприметном месте, очень далеко от протоптанных дорог, говорили, что люди никогда сюда не забредут. И никогда не забредали до сего момента. Что же изменилось? Кто их выдал?

Сальст мог и дальше задаваться бесполезными вопросами, но ответа на главный не предвиделось найти. Почему он не сдержался и закричал?

Слезы с новой силой навернулись на глаза. Хисара теперь заберут? Его сделают рабом?

— Мама, я сам спрячусь, а ты вернись за Хисаром. Мам, я вас тут подожду, я никуда не уйду, честное слово. Я буду ждать.

Женщина дрогнула, но не обернулась. Молчание затянулось, и глаза Сальста округлились. Она тоже помнит крик. Она не верит, что Хисар еще дома! Она за ним не вернется! Сальст попытался вырваться из хищной хватки матери, но та с силой его одернула. Они прошли еще двумя переулками и остановились в тени у последней из кучно стоящих мазанок. Дальше только маленькая открытая тропинка и поле пшеницы. Все так хорошо освещено. Люди умны, раз не нападают по ночам, в такой яркий день, сложно кого-нибудь не заметить.

— Сальст, послушай, нам нужно незаметно добежать до поля и спрятаться в пшенице, понимаешь?

Мальчик кивнул и опять посмотрел в сторону дома. За Хисаром не вернуться из—за него?

— Сальст! — шикнула мать, вновь его встряхнув. — Слушай меня внимательно, сейчас я обниму тебя и побегу к полю. Что бы ни случилось, ты не должен кричать, понимаешь?

Юный эльф кивнул, но на деле ничего не понял. А поразмыслить или задать вопрос ему не позволили. Мама почти рывком подняла его на руки и прижала к груди. Он схватился за ее добротную, но чуть обожженную по краям одежду и услышал всхлип. Сальст тут же выпустил одежду из тонких пальчиков, но мама только крепче прижала его к себе. И вдруг мир перед глазами начал прыгать. Мама побежала к полю.

Раздался свист. Мама дрогнула и сипло втянула воздух ртом. Сальст смотрел на ее узкий подбородок снизу вверх. Ей определенно было тяжело, но она бежала. Бежала и бежала. Странно, раньше тропинка до поля не казалась Сальсту такой длинной. Но даже она все-таки кончилась, только мама не перестала бежать. Колоски пшеницы начали бить по ногам. Мама и сын уходили все дальше и дальше, Сальст хотел попросить его отпустить, но она так крепко прижимала его к груди, что язык не поворачивался ей перечить.

Шаг. Еще один и мама упала, придавив его к земле. На мгновение из легких мальчишки весь

дух вышибли.

— Мама?

Она не ответила. Сальст с трудом выполз из-под нее и с ужасом обнаружил в стройной спине три стрелы. Пальцы сами потянулись к ближайшему деревку, словно хотели проверить, реальные ли они. Но вдруг откуда-то раздался человеческий рык. Сальст не понял ни слова, но руку отдернул. Грубое наречие напомнило Сальсту о том, что опасность еще не миновала. Подобно полевой крысе, Сальст вжал голову в плечи и на карачках побежал дальше в поле. Слезы текли сами по себе. Сальст заметил их только когда потек еще и нос. Пришлось шмыгнуть и прибавить ходу. В голове крутилась мысль о том, что нужно развернуться и бежать в другую сторону, обратно в деревню за братом, но ноги несли юного эльфа в противоположном направлении. Сальст уходил все дальше в поле. Колоски резали руки и лицо. Кожа горела, но Сальст продолжал ползти.

Еще мгновение назад казалось, что мама пронесла его далеко в поле, но, как выяснилось, они прошли вглубь всего на десяток шагов. Люди еще слишком близко, а запах гари слишком явный. Сальст скорее крался, чем бежал, все дальше и дальше, пока крики и плач сородичей не стал в разы тише. Он спасся?

<http://tl.rulate.ru/book/98832/3922215>